

Максим ЖИХ

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ.

Страницы жизни и творчества славянского подвижника

Часть 1

Имя выдающегося русского археолога и историка Валентина Васильевича Седова (1924–2004) хорошо известно не только специалистам, но и всем интересующимся историей древних славян и Руси: на его трудах выросло не одно поколение как профессиональных историков, так и любителей науки о прошлом. Труды учёного, без преувеличения, составили целую эпоху в отечественном славноведении. В своих исследованиях В.В. Седов реконструировал целостную картину этнического, социального, культурного и политического развития славянского мира с древнейших времён до монгольского нашествия на широком фоне общеевропейской истории. Фактически он дал науке полноценный материальный «скелет» славянской истории, на который ещё многим историкам, археологам, лингвистам, антропологам и представителям других дисциплин предстоит нанизывать конкретные факты. Но едва ли в обозримом будущем наука о древних славянах сможет отойти от принципиальных схем исторического развития славянства, выработанных Седовым. Учёный сполна осуществил своё призвание в науке – быть исследователем истории славян в древности и в раннем средневековье.

В наши непростые времена, когда славянский мир разобщён, а многие славянские народы разделены взаимными обидами, В.В. Седов веско и аргументированно показывал единство всех славян, общие истоки их истории, культуры, языков, этнографических особенностей, менталитета. Он объяснял, как постоянно происходили разнообразные схождения и расхождения различных славянских группировок, как они перемешивались и каким сложным был процесс становления современных славянских народов, каждый из которых сформировался на основе разных по происхождению славянских групп. Учёный почти не занимался публицистикой, но его спокойные, без полемического задора и резкости научные работы, где не было и намёка на какую-либо политику, всегда ставили прочный заслон на пути любых псевдонаучных спекуляций, авторы которых пытались разорвать единство славянского мира или представить славян дикарями, чуждыми европейской цивилизации и культуре. В.В. Седов, как когда-то П.И. Шафарик, споривший с немецкими учёными-националистами, которые славянам на карте Европы практически не оставляли места и либо «приводили» их вместе с гуннами из Азии, либо «помещали» в Припятских болотах¹, убедительно показывал исконность проживания славян в

Центральной Европе, где они, наряду с кельтами, германцами, италиками, иллирийцами и другими европейскими этносами, сложились на основе древнеевропейской языковой общности, археологически представленной кругом культур погребальных урн. К моменту образования своих первых государств славяне имели за плечами сложную историю, полутора-тысячелетний опыт этнополитического и социокультурного развития и взаимодействия с соседними этносами.

В одном интервью на вопрос: «Вам никогда не хотелось написать книгу по современной истории?» - В.В. Седов ответил: «Некогда! Я после окончания монографии об Изборске хочу еще написать о балтах в древности. Балты - это самые близкие славянам народы среди индоевропейцев. Это латыши, литовцы, пруссы, ятвяги. Часть балтов вошла в состав славян»². (К сожалению, смерть помешала исследователю осуществить задуманное, и книга о балтах осталась ненаписанной). В этом, наверное, был весь Седов - человек, всецело поглощённый древней историей славян и Руси. Но нередко сугубо научные академические работы имеют не меньшую общественную актуальность, чем публицистические статьи, а подчас - и гораздо большую.

Впрочем, иногда ученый всё-таки брался за «публицистическое перо». В первую очередь, тогда, когда историческим и археологическим памятникам, культурному наследию России угрожала опасность. Тогда его голос звучал столь же громко, как и в научных спорах³.

Жизнь, общественная и административная работа, многогранная научная деятельность Седова постепенно становятся объектом внимательного изучения⁴, но осмысление его места и работ в контексте мировой и российской исторической науки XX ст., значения его исследований для её будущего только начинается. Немаловажна в этой связи большая доступность его работ для специалистов и широкого круга любителей истории. Эта задача может решаться двумя взаимодополняющими путями: 1) переизданием основных работ учёного, а в идеале - изданием полного собрания его сочинений; 2) оцифровкой работ исследователя. В рамках второго пункта мной было начато составление собрания работ В.В. Седова в электронном виде. На данный момент (20.10.2012) оно насчитывает более 130 единиц, в числе которых книги ученого, написанные им главы в коллективных изданиях, его статьи, рецензии, отчёты о научных мероприятиях и т. д.⁵ Собрание это непрерывно пополняется, так как конечная его цель заключается в создании полной подборки работ исследователя в электронном виде, что, разумеется, никоим образом не отменяет необходимости создания аналогичного собрания в печатном виде.

Можно сказать, что без работ Седова представить нашу историческую науку просто невозможно, это настоящая энциклопедия славянской и древнерусской истории и культуры. Простое перечисление тем, в раскрытие которых учёный внёс свой весомый вклад, рискует сильно затянуться: тут и славянский этногенез, и пути славянского расселения, и взаимодействие славян с окружающим миром, и история соседей славян - балтов и финно-угров, и эволюция материальной культуры славян, и славянское язычество, и становление первых славянских городов, и формирование

первых славянских государств и народностей, и история древнерусской деревни, и славянская антропология, гидронимика, и ещё много чего. Тем не менее, можно выделить три ключевые темы, пронизывающие всё творчество В.В. Седова, изучение которых учёным будет подробно рассмотрено ниже:

- 1) расселение славян по Восточной Европе и формирование древнерусской народности;
- 2) происхождение и начальные этапы истории славян. Много лет Седов создавал свою фундаментальную концепцию славянского этногенеза, которая по праву стала одной из основных в науке и ныне является опорной точкой в дальнейших исследованиях этой проблемы;
- 3) образование славянских городов.

Валентин Васильевич Седов родился 21 ноября 1924 г. в городе Богородске (с 1930 г. – Ногинск) в семье рабочих Истомкинской текстильной фабрики (отец – Василий Васильевич, мать – Анна Фоминична)⁶. Будущий историк окончил школу в 1941 г. и поступил в Московский авиационный институт, но начавшаяся Великая Отечественная война прервала его учёбу: летом 1942 г. он стал курсантом Гомельского военно-пехотного училища, а в ноябре попал на фронт.

Боевой путь Седова начался под Сталинградом. (Сергей Григорьевич Кляшторный как-то рассказывал о том, как в рамках культурной программы конференции, посвящённой Великому Волжскому пути, они вместе плыли на корабле по Волге. Когда подплывали к Астрахани, Седов вспоминал, как здесь в 1942 г. формировалась их часть и как пешком по степи они шли к Сталинграду...) За годы войны он побывал командиром стрелкового и пулеметного отделений на Сталинградском, Южном, Степном, 1-м Украинском, 1-м Белорусском и Прибалтийском фронтах и закончил ее на Дальнем Востоке, где принимал участие в разгроме Японии. Боевые заслуги В.В. Седова были отмечены такими высокими наградами, как орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

После войны Седов увлёкся историей. «Может быть, время такое было – такое бурное, победа в Великой Отечественной войне, хотелось знать, как это началось, и глубже», – вспоминал он впоследствии⁷. Так фронтовик оказался в стенах исторического факультета МГУ, где уже на первых курсах увлёкся археологией, начав свой путь полевого исследователя в 1951 г. в Новгородской экспедиции, руководимой блестящим археологом Артемием Владимировичем Арциховским (1902-1978).

И первые же его полевые сезоны ознаменовались сенсационным открытием – обнаружением языческого святилища Перуна под Новгородом, того самого, в котором дядя Владимира Добрыня установил в 980 г. идол Перуна⁸. Как совершенно справедливо констатирует А.В. Чернецов, «обращаясь к списку научных трудов В.В. Седова, не удастся выделить среди них те, которые можно было бы назвать ученическими. В своих ранних публикациях Валентин Васильевич появляется на научном небосклоне, подобно Афине из головы Зевса, в полном вооружении»⁹. В дальнейшем Седов про-

вёл множество полевых сезонов, раскапывая разнообразные славянские и древнерусские памятники: в 1955-1961 гг. он изучал поселения древнерусской Смоленской земли; в 1955-1968 гг. раскапывал древнерусские города Владимир, Гороховец, Суздаль, Ярополч-Залесский; в 1961-1965 гг. руководил разведками и раскопками курганов в Западной Белоруссии; в 1966-1969 гг. вёл разведки и раскопки длинных курганов и городищ Новгородчины и Псковщины; с 1970 по 1992 г. руководил археологическим изучением древнего Изборска. В ходе этих исследований им были добыты ценнейшие материалы, существенно обогатившие научные знания о славянской и древнерусской истории и культуре.

По окончании университета (1951 г.) он поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), с которым связал всю свою дальнейшую судьбу. В 1954 г. В.В. Седов защитил кандидатскую диссертацию «Кривичи и словене», а в 1967 г. стал доктором исторических наук (диссертация «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья»). Долгая продуктивная работа ученого была достойно отмечена как в России, так и за рубежом: в 1994 г. его избрали почетным академиком Латвийской академии наук, в 1997 г. – членом-корреспондентом РАН, а в 2003 г. – академиком. В 1984 г. за книгу «Восточные славяне в VI-XIII вв.» он был удостоен Государственной премии СССР, а в 1998 г. за труды по славянскому этногенезу – Государственной премии РФ. Помимо этого, он – лауреат Забелинского (1994 г.) и Демидовской (1998 г.) премий.

Будучи незаурядным учёным, В.В. Седов был и талантливым организатором науки. С 1974 г. он руководил сектором археологических сводов, где, как указывает А.В. Чернецов, «заложил основу гигантской картотеки и собрания паспортов на археологические памятники России»¹⁰, а с 1983 г. – отделом археологической службы, объединившим сектор сводов и отдел новостроечных работ. В 1988 г. возглавил ключевое подразделение Института археологии – отдел полевых исследований, структуру, контролирующую все археологические работы на территории России. В 1980-1993 гг. работал в Международном совете по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), а в 1992-1993 гг. был президентом Российского национального комитета совета. С 1980 г. он являлся членом Исполнительного совета и Постоянного совета Международной Унии славянской археологии (МУСА), а в 1985 г. стал членом бюро Унии. В 1997 г. учёный возглавил экспертный совет Российского гуманитарного научного фонда по историческим наукам. По словам А.В. Чернецова, «в порой непростых коллизиях академической жизни, в отстаивании своих взглядов в научной полемике Валентин Васильевич всегда являлся примером исключительной прямоты и принципиальности»¹¹. С 1989 г. В.В. Седов был членом редколлегии журнала «Советская археология» (с 1992 г. – «Российская археология»), а с 1996 г. – членом редсовета ведущего археологического издания России. В 1990-е гг. он инициировал возобновление выхода ключевых археологических изданий, выпуск которых прервался в трудное для страны и науки время – начало 90-х: «Археологические открытия» (выпуск возобновлён в 1993 г.) и «Краткие сообщения Института археологии» (2001 г.). Седов стал ответственным редактором обоих изданий, также под его редакцией увидело свет большое количество разных книг.

Ученый участвовал во множестве научных мероприятий - съездах, конференциях, симпозиумах, «круглых столах» и т. д., многие из которых он сам и организовывал. Нередко Седов выступал с отчётами о них на страницах периодических изданий. В 1980 г. он основал семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли», носящий ныне имя своего основателя и ставший крупнейшей площадкой для обсуждения разнообразных проблем истории Псковщины. В 1996 г. в Новгороде, в значительной мере усилиями Седова, был проведен VI Международный конгресс славянской археологии. В работе конгресса приняли участие учёные многих стран, его труды, обобщившие итоги археологического изучения славянства на середину 1990-х гг., вышли в пяти томах под редакцией В.В. Седова¹². Этот научный форум сыграл важную роль в деле актуализации славистических исследований на постсоветском пространстве, показал важность славянской археологии как особого направления археологической науки.

Из всего этого видно, сколько внимания ученый уделял организации научной работы. Он мечтал объединить в едином творческом порыве исследователей славянской и древнерусской истории разных специальностей. Многим археологам-славистам посчастливилось быть учениками Седова, войти в состав созданной им научной школы. Под его руководством было защищено тридцать кандидатских диссертаций, а шесть его учеников стали докторами наук¹³.

В завершение этого краткого биографического очерка процитирую слова коллеги В.В. Седова по Институту археологии А.В. Чернецова: «Во всех случаях он выступал как активный и чрезвычайно ответственный работник. Валентин Васильевич самым внимательным образом знакомился с каждым поступающим в ОПИ отчетом (а их туда приходит более 1000 каждый год), тщательнейшим образом редактировал многочисленные рукописи, которые проходили через его руки как ответственного редактора. Скромный и молчаливый, В.В. Седов совершенно преобразался, когда речь заходила о волнующих его научных проблемах. Таким же, полным интереса к окружающему, Валентин Васильевич предстал в родной для него обстановке полевого лагеря, знакомясь с раскопками и коллекциями, в зарубежных поездках, когда ему предоставлялась возможность осматривать достопримечательности незнакомых городов»¹⁴.

Жизнь Валентина Васильевича Седова оборвалась в ночь с 4 на 5 октября 2004 г. Всего на десять дней пережил он свою верную подругу жизни Марию Владимировну Седову (1930-2004), замечательного специалиста по древнерусскому искусству. Они счастливо прожили долгие годы и умерли почти в один день, словно в красивой сказке. Сын В.В. Седова Владимир Валентинович Седов (род. в 1960 г.) продолжил семейную традицию служения исторической науке. Он - известный искусствовед, археолог, специалист по древнерусской архитектуре¹⁵.

Книга по истории древних балтов и многие другие, что мечтал написать В.В. Седов, остались ненаписанными. Но и того, что он успел сделать, хватит, чтобы ещё долго будить исследовательскую мысль. Кто знает, сколько ещё предстоит науке осмыслять наследие ученого? Поневоле вспоминается строчка из песни Александра Розенбаума: «"Был" – я ненавижу это

слово...». Нет, Седов не «был», он есть, он с нами. В своих трудах, научных открытиях, мыслях, чувствах, мечтах он остался с нами навеки.

Лично я не знал Валентина Васильевича Седова. Но для меня он - не часть историографии, а словно живой собеседник. Когда я писал статью, посвящённую проблеме, о которой в последние годы жизни много размышлял Валентин Васильевич, - о реконструкции самоназвания славян, представленных именьковской археологической культурой¹⁶, то, пусть это не покажется кому-то странным, я видел его в качестве своего главного читателя. Я очень хотел, чтобы он прочёл эту работу, и не раз ловил себя на мысли, что мнение о ней кого бы то ни было ещё меня, в сущности, мало интересует. Но, увы, моему главному читателю этой статьи не прочесть и не поделиться со мной своим мнением... В.В. Седова нет, но удивительное ощущение диалога с учёным через его работы есть. И, надеюсь, не только у меня.

В.В. Седов видел в археологии не просто науку об артефактах, извлекаемых из земли, но прежде всего науку историческую, археологические материалы рассматривались им как непосредственный источник исторических фактов. По его мнению, по археологическим данным вполне возможна реконструкция реальных исторических процессов, причём, в отличие, скажем, от лингвистической реконструкции, реконструкция их в конкретном пространственно-временном диапазоне. Ученый считал, что каждый народ имеет свои устойчивые этнографические признаки, выявляемые археологически. Это погребальный обряд, домостроительство, украшения, керамика, изготавливаемая домашним способом, и т. д. Весь комплекс этих признаков не мог радикально измениться мгновенно, он менялся плавно, и эти изменения археология вполне может проследить и отделить перво-степенные этнические признаки от второстепенных, принесённых модой или влиянием соседей. Поэтому, если археологическая культура выделяется по комплексу устойчивых признаков, она обычно соответствует этнической общности, что не исключает существования полиэтнических культур. Но их неоднородность в археологических материалах заметна, а потому возможно отделить «внешние» надэтнические признаки от «внутренних» этнических и дифференцировать полиэтническую культуру на этнические ареалы. Если же археологической преемственности при смене культур не фиксируется, а видна резкая смена всех основных этнографических признаков, то это говорит о смене населения или о наложении одного этноса на другой.

Соответственно и распространение признаков одной культуры на другие территории, если речь идёт не об одном-двух типах артефактов, а об их комплексе, свидетельствует о миграциях носителей этой культуры. Поэтому археология на современном уровне развития вполне способна, по мнению В.В. Седова, восстановить сложные процессы древних миграций, ассимиляций одних этносов другими, разделения этнических групп и их сближения и т. д. И важнейшее значение в археологическом исследовании древних этапов истории того или иного народа принадлежит ретроспективному

методу: продвижению от поздних, надёжно этнически атрибутированных древностей к тем, от которых они происходят, а от них ещё дальше, и так - к самым истокам, к моменту формирования этноязыковой группы (Происхождение и ранняя история славян. С. 38-43; Славяне в древности. С. 83-89; Славяне. С. 34-37). Все эти тезисы исследователя представляются совершенно справедливыми. Напротив, попытки вычеркнуть археологию из числа исторических наук, превратить её в замкнутую саму на себя науку о вещах видятся ошибочными, равно как и попытки уйти в этногенетических исследованиях от ретроспективного метода и подменить его простым анализом «сходства» разных культур, позволяющим делать разнообразные кульбиты сквозь пространство и время, не имеющим никакого отношения к реальным историческим событиям. В качестве примера такого подхода может быть названа гипотеза Д.А. Мачинского и М.Б. Шукина о происхождении первых достоверно славянских культур (пражской и пеньковской) от балтских культур лесной зоны Восточной Европы (штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской), между которыми нет ни территориального стыка, ни промежуточных групп памятников, ни генетического родства, которое для названных авторов подменяет определённое фактически на глазок «сходство»¹⁷.

В то же время В.В. Седов старался максимально полно использовать достижения всех других наук. Он постоянно привлекал лингвистические материалы, причём корректность и системность его работы с ними была отмечена О.Н. Трубачёвым¹⁸. Учёный старался все археологические реалии последовательно сопоставить с реалиями лингвистическими и найти корреляцию между ними. Что касается антропологии и гидронимии, то Седов самостоятельно работал в сфере указанных наук: ему принадлежит ряд работ по славянской антропологии¹⁹ и первая сводная антропологическая карта славян эпохи средневековья²⁰, а также работы по славянской гидронимии в её корреляции с археологическими данными (характерно название одной из работ учёного – «Этногенез славян по данным археологии и гидронимии») ²¹. К примеру, он существенно пополнил список балтских гидронимов лесной полосы Восточной Европы (Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 10-11). Именно стремление к междисциплинарности, к максимально полному учёту всех возможных фактов, к тому, чтобы выводы, сделанные на материалах одной науки, не входили в непримиримое противоречие с данными других наук, было своеобразной визитной карточкой В.В. Седова. К сожалению, такой подход в нашей науке - большая редкость: обычно учёные или делают выводы сугубо на «своих» материалах, не задумываясь о том, как эти выводы будут выглядеть с точки зрения других наук, или привлекают материалы выборочно и сугубо иллюстративно. Седов же работал с данными всех наук комплексно и блестяще осуществил в своих исследованиях принципы комплексного источниковедения.

Нельзя не отметить и доскональное знание ученым историографии тех вопросов, о которых он писал. Б.А. Рыбаков даже охарактеризовал его знание историографии славянского этногенеза и музейных коллекций раннеславянских древностей как «исчерпывающее»²². В.В. Седову принадлежат самые полные на сегодняшний день историографические очерки

по проблеме происхождения славян (Происхождение и ранняя история славян. С. 7-16; Очерки по археологии славян. С. 3-48; Славяне в древности. С. 5-59). Историографическими экскурсами исследователь сопровождал каждый свой шаг. Такое великолепное владение историографическим материалом позволяло учёному верно определять своё место в контексте развития науки и разграничивать перспективные и бесперспективные историографические линии.

I. Проблемы славянского расселения в Восточной Европе и становления древнерусской народности в работах В.В. Седова

Вопросы, связанные с археологией и этнокультурной историей славян Восточной Европы VI-XIII вв., занимали в научном творчестве Седова центральное место. Полностью соответствующей проблематике посвящено семь монографических исследований учёного²³ и ещё пять – частично²⁴. Число же его статей, в которых рассматриваются указанные вопросы, огромно²⁵.

Исследователю были чужды догматизм и «окаменелость», которым подвержены многие его коллеги, всю жизнь переписывающие положения первых своих работ, не считаясь ни с чем. Он постоянно находился в научном поиске и нередко корректировал и менял свои взгляды в соответствии с новыми данными, которые в археологии появляются гораздо быстрее, чем в «письменной» истории. Поэтому я охарактеризую концепцию учёного преимущественно по его последним, итоговым работам, с некоторыми экскурсами к трудам более ранним, чтобы показать становление и эволюцию его взглядов в историографическом контексте.

Накануне образования Древнерусского государства и древнерусской народности Восточная Европа, по мнению Седова, была заселена представителями четырёх крупных славянских этнокультурных группировок, имевших различные истоки (Древнерусская народность. С. 25-179):

1) северная её часть была занята носителями культур длинных курганов (кривичи), новгородских сопок (словене) и браслетообразных сомкнутых височных колец (имя носителей которой в летописях не сохранилось). Вероятно, оно там фигурирует как меря. Все эти культуры образовались в результате миграции в середине I тыс. н.э. центральноевропейского населения, преимущественно из пшеворского ареала, в лесную зону Восточной Европы;

2) юго-восточная её часть была занята носителями волынцевской и ведущей своё происхождение от неё культур: роменской (северяне), боршевской (имя её носителей не сохранилось в летописях), верхнеокской (вятичи) и радимичской. Эта группа славян генетически связана с существовавшей в IV-VII вв. в Среднем Поволжье именьковской культурой;

3) юго-западная её часть была занята культурой типа луки-райковецкой (дулебы русских летописей) и развившимися на её основе культурными ареалами летописных волян, дреговичей, древлян и полян. Эта славянская группировка является одним из ответвлений пражской археологической культуры, носители которой в византийских источниках VI-VII

вв. были известны под именем *склавинов*-славян;

4) крайний её юг и юго-запад были заняты хорватами, уличами и тиверцами, культуры которых ведут своё происхождение от пеньковской археологической культуры, носители которой, очевидно, были *антами* византийских источников.

Рассмотрим эту реконструированную В.В. Седовым этнографическую картину подробнее, особенно в её ключевых звеньях и моментах, вызывающих дискуссии.

Одно из ключевых мест в работах ученого занимает кривичская культура длинных курганов, все материалы которой, имевшиеся в распоряжении науки на начало 1970-х гг., были им опубликованы (Длинные курганы кривичей). Эта сводка сохраняет своё значение по сей день, так как, несмотря на то, что впоследствии был раскопан ряд новых памятников, качественных сдвигов в наших знаниях об этой культуре не произошло, и новая, более полная сводка её материалов пока никем не составлена. В период своего расцвета в VIII-IX вв. культура длинных курганов занимала огромную территорию: Псковщину, часть Новгородчины, Верхнее Поднепровье и Подвинье с сопредельными регионами. Имя своё культура получила по характерному типу погребальных памятников – удлинённым курганам от 10 до 100 и более метров длиной. В них иногда содержится весьма значительное число захоронений (от одного-двух до двадцати с лишним) по обряду трупосожжения, которые в большинстве своём являются безурновыми и безынвентарными или содержат весьма незначительный инвентарь (бронзовые бляшки, пряжки, ножи, кресала, глиняные пряслица, стеклянные бусы и т. д.). Жили носители культуры длинных курганов преимущественно на открытых селищах, хотя постепенно появляются и городища (например Изборск), дома строили чаще наземные, посуду делали ручную, без гончарного круга. В развитии культуры длинных курганов наблюдаются два этапа: на первом (V-VII вв.) она занимала преимущественно современную Псковщину и некоторые районы Новгородчины (псковские длинные курганы), а с конца VII в. начала распространяться на юг, охватив будущие Полоцкую и Смоленскую земли (смоленско-полоцкие длинные курганы), что, очевидно, отражало процесс расселения её носителей. При этом культура длинных курганов в Смоленско-Полоцких землях имеет ряд отличий от псковской. В частности, там нет очень длинных курганов, превышающих 30 м. В IX-X вв. длинные курганы постепенно сменяются полусферическими, культура длинных курганов исчезает, и занятый ею регион становится частью древнерусской культуры.

В.В. Седов убедительно обосновал принадлежность культуры длинных курганов известному по летописям восточнославянскому этнополитическому союзу *кривичей*, приведя в пользу этого утверждения следующие аргументы:

- сопоставление длинных курганов с пришедшими им на смену полусферическими, славянская принадлежность которых уже вне всяких сомнений, показывает, что они совершенно идентичны в устройстве и в особенностях погребального ритуала;

- длинные и полусферические курганы обычно находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их населения. На каком-то этапе длинные курганы сосуществуют с полусферическими, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда;

- керамические материалы IX-X вв. генетически связаны с керамикой культуры длинных курганов;

- никакого притока нового населения в конце I – начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера, не фиксируется. Некоторые предметы материальной культуры выходят в этот период из обращения, но, во-первых, происходит это постепенно, а во-вторых, не только на территории культуры длинных курганов, поэтому говорить о каком-либо сломе культурной традиции невозможно;

- ранние памятники культуры длинных курганов на Псковщине, занятой до этого финно-угорской культурой текстильной керамики, не обнаруживают с ней никакой преемственности, свидетельствуя о приходе в регион больших масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры;

- ареал культуры длинных курганов полностью совпадает с тем ареалом, который летописи отводят кривичам;

- лингвистические материалы показывают родственность смоленско-полоцких и псковских говоров²⁶. Единственный период, когда эти два региона были охвачены единой культурой, – это время культуры длинных курганов;

- лингвистически древнейшие контакты славян с предками эстонцев относятся ко времени до образования древнерусского языка и датируются временем, начиная с VI в.²⁷, что полностью соответствует археологически фиксируемым контактам носителей культуры длинных курганов с предками эстонцев;

- отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для неё основными и несут региональный характер. Они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения.

Все эти аргументы (Кривичи; Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 91-124; Длинные курганы кривичей. С. 36-41; Об этнической принадлежности псковских длинных курганов; Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 46-58; Славяне в раннем средневековье. С. 211-217; 229-238; Древнерусская народность. С. 117-128; 140-145; Славяне. С. 354-364) никем не опровергнуты. Но, несмотря на это, постоянно выдвигаются гипотезы о неславянской этнической атрибуции культуры длинных курганов и её финно-угорской либо балтской принадлежности (С.К. Лаул, Г.С. Лебедев, А.Н. Башенкин, В.Я. Конецкий, Е.А. Шмидт и др.)²⁸. Однако все эти предположения фактически не выходят за рамки догадок и не имеют серьёзной аргументации. Они, в отличие от концепции В.В. Седова, основаны не на всём комплексе данных, а только на каких-то отдельных его частях, которые абсолютизируются, а все остальные моменты при этом игнорируются. Добавим несколько исторических аргументов в пользу правоты Седова и кривичской принадлежности культуры длинных курганов:

- если предположить финское происхождение культуры длинных курганов, это означает, что накануне формирования Древнерусского государства имела место мощная экспансия финского населения в Верхнее Поднепровье и Подвинье. Никаких исторических, лингвистических или топонимических подтверждений этому нет;

- если предположить балтское происхождение культуры длинных курганов, то непонятно, почему она возникла вне балтского культурного и гидронимического ареала на Псковщине. Балтская экспансия в этот регион неизбежно оставила бы заметные следы в гидронимии, но их практически нет;

- если предположить любое неславянское происхождение культуры длинных курганов, то неясным станет вопрос, с какими археологическими реалиями связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз кривичей (летописная локализация которого идеально совпадает с ареалом распространения рассматриваемой культуры), так как на смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Тезис Е.Р. Михайловой, согласно которому «сложный комплекс погребальной обрядности КПДК, распространившийся по огромной территории, следует трактовать скорее как явление духовной жизни и религиозных практик древнего населения, чем как отражение неких социальных или этнических структур»²⁹, ничего не проясняет, а только запутывает проблему. Каким образом единый «сложный комплекс погребальной обрядности» мог распространиться среди разноэтничного населения на огромных территориях в условиях отсутствия государственных институтов, если не было тех, кто его распространял в ходе своей миграции? По мнению этой исследовательницы, постепенная смена культуры длинных курганов древнерусской культурой означала смену населения соответствующих регионов³⁰. С этим утверждением совершенно невозможно согласиться, так как процесс нивелировки культур отдельных славянских этнополитий охватил в то время всю Восточную Европу, что, однако, не говорит о том, что там произошла смена населения. Просто в условиях становления древнерусской народности и формирования Древнерусского государства стирались локальные различия между культурами вошедших в его состав «племён», вырабатывалась единая древнерусская культура. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то – позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» восточнославянских культур как смену этнического лица соответствующих регионов.

Таким образом, на данный момент тезис В.В. Седова о кривичской принадлежности культуры длинных курганов является наиболее фундированным и учитывающим всю совокупность фактов, а не какие-то отдельные из них, как это имеет место у его оппонентов. На данный момент нет никаких серьёзных оснований сомневаться в правоте ученого в этом вопросе.

Более сложный характер имеет проблема истоков кривичской культуры длинных курганов. Уже в своих ранних работах Седов выдвинул гипоте-

зу о приходе её носителей в середине I тыс. н.э. из Центральной Европы (Кривичи. С. 54-59; Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 195-108; Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 58; Славяне в древности. С. 296-304; Славяне в раннем средневековье. С. 209-211), но тогда в её пользу не было прямых оснований. Она вытекала из того факта, что исследователь не обнаруживал иных её истоков: до формирования культуры длинных курганов её будущие земли были заселены финнами и балтами, древности которых не имеют с ней генетической связи, а каких-либо существенных импульсов с юга в имеющихся материалах ученых не видел. Все местные культуры, предшествовавшие или синхронные культуре длинных курганов, в том числе и тушемлинскую, он рассматривал как дославянские (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 29-45).

В эти же годы прямо противоположную концепцию славянского заселения Восточноевропейской равнины развивал П.Н. Третьяков, по мнению которого оно осуществлялось с юга группами позднезарубинецкого населения и их потомками³¹. Согласно П.Н. Третьякову, смена этнического лица населения лесной зоны Восточной Европы произошла только однажды: при расселении поздних «зарубинцев». В.В. Седов же считал, что она происходила также и в период появления культуры длинных курганов, в то время как зарубинецкий импульс не имел большого значения, а сама эта культура ещё не была славянской. В ранних работах исследователь считал её носителей балтами, но впоследствии несколько скорректировал свою позицию и предположил, что они представляли собой особую группу населения, родственную как славянам, так и западным балтам. Потомки «зарубинцев» в зависимости от ситуации вливались либо в ряды балтов, либо славян³².

Ныне точка зрения П.Н. Третьякова развивается Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасевым, которые считают, что, начиная с III в., потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии формируются культуры длинных курганов и тушемлинская, существовавшая в V-VIII вв.³³, после чего на её территории расселяются носители культуры длинных курганов, ассимилируя «тушемлинцев».

В последних работах В.В. Седов привёл новые веские аргументы в пользу своей позиции. Он собрал и обобщил данные о находках вещей провинциально-римских типов, массово появившихся в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э. (шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленые пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т. д.). Учитывая стремительность и массовость их распространения, а также то, что в этот период собственно провинциально-римские культуры (пшеворская и черняховская) уже прекратили своё существование, невозможно говорить о распространении в середине I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы провинциально-римских артефактов вследствие торговых или культурных связей. Оно, безусловно, отражает мощную миграцию населения из центрально-европейского пшеворского ареала (Древнерусская народность.

С. 91-117; Славяне. С. 348-354), которое только и могло быть создателем культуры длинных курганов. Причины, побудившие большие массы средневропейского населения к миграции, состоят в гуннском нашествии и резком похолодании, вызвавшем подъем уровня рек и озёр, увеличение площади болот, что привело к затоплению плодородных почв. Вследствие этого Среднее Повисленье опустело, и есть основания полагать, что значительная часть его обитателей отправилась на северо-восток, в лесную зону Восточной Европы (Славяне в древности. С. 296-304; Древнерусская народность. С. 115-117; Славяне С. 348-354). Седов сделал в этой связи одно весьма тонкое наблюдение относительно топографии поселений культуры псковских длинных курганов: «Создаётся впечатление, что переселенцы на прежних местах пострадали от наводнений и переувлажнённости почвы и поэтому на северо-западе выбирали для своего местопребывания участки, не подверженные подобным процессам, – песчаные возвышенности в сухих борových лесах, при сухопутных дорогах, очевидно, бывших в то время основными путями миграционных передвижений» (Древнерусская народность. С. 124).

При этом на основе новых материалов В.В. Седов пересмотрел свой взгляд на тушемлинскую культуру, будущая территория которой также оказалась затронута миграцией пшеворского населения, которая и дала импульс к её возникновению. Таким образом, ядро создателей тушемлинской культуры было родственным носителям культуры псковских длинных курганов, а её создание стало первым этапом славянизации балтов смоленского Поднепровья и полоцкого Подвинья, влившихся в состав тушемлинского населения (Древнерусская народность. С. 128-140; Славяне. С. 372-388), которое впоследствии, при расселении на юг носителей культуры псковских длинных курганов, вошло в состав кривичей. Продвинулись центральноевропейские переселенцы и дальше на восток, где создали культуру браслетообразных височных колец в будущей Ростово-Суздальской земле, постепенно ассимилируя аборигенное финское население края. Имя этого славянского «племени» в летописях не сохранилось: вероятно, оно фигурирует там как *мери* (Славяне в раннем средневековье. С. 218-229; Древнерусская народность. С. 145-158; Славяне. С. 388-397). Возможно, как считает В.В. Седов, славяне переняли этноним ассимилированных финнов. Но, на мой взгляд, более логично полагать, что *мерей* – это славянское «племя», дальше всего продвинувшееся на восток, в земли финнов (мери). Так стали называть его западные соседи, то есть это экзоэтноним, а настоящее имя этой славянской группировки нам неизвестно. Представители этого же славянского массива проникли в VII в. на территорию будущей Муромской земли, где ассимилировали финское племя *мурома* (Славяне. С. 397-402). Ранее о проживании в Ростово-Суздальской земле особой группы славянского населения на основе лингвистических материалов писали филологи³⁴, что нашло своё археологическое подтверждение.

В рамках этого же мощного миграционного потока пришли на север Восточной Европы и предки словен ильменских, создавшие в VIII-IX вв. в Приильменье культуру новгородских сопок, становление которой пока ещё изучено слабо. Ранее В.В. Седов полагал, что возникновение культуры новгородских сопок связано со второй, более поздней миграционной волной

из Повисленья (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 66), однако затем пересмотрел свой взгляд на эти древности и присоединился к И.В. Ислановой, полагающей, что их генезис связан с памятниками типа Юрьевской Горки в Удомельском Поозерье³⁵. По мнению Седова, предки создателей культуры сопок изначально проживали небольшими островками в среде носителей культуры длинных курганов, сохранив при этом, в отличие от последних, традиции пашенного земледелия, бытовавшего на их висленской прародине. В VII в. происходят потепление климата и снижение влажности, что способствовало распространению пашенного земледелия, ставшего основой экономики культуры сопок, о чём говорит топография её поселений. В этой связи в регионе Приильменя жители поселений типа Юрьевской Горки стали основой становления новой культуры и соответствующей ей этнокультурной общности, известной из русских летописей под именем *словен*, ассимилировав живших в этом районе носителей культуры длинных курганов (Славяне в раннем средневековье. С. 238-246; Древнерусская народность. С. 158-165; Славяне. С. 364-372).

Выводы Седова о том, что культуры длинных курганов и тушемлинская возникли в результате расселения выходцев из Средней Европы, сторонниками южного, «киевского» происхождения не опровергнуты. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасев указывают, что часть (но далеко не все!) вещей среднеевропейских типов была известна в Восточной Европе и ранее середины I тыс. н.э., в частности, благодаря памятникам киевской культуры, как и браслетообразные височные кольца³⁶. Но это не может поколебать построений В.В. Седова по существу, так как никоим образом не отменяет факта «взрывного» распространения в лесной зоне Восточной Европы не известных здесь ранее провинциально-римских артефактов в середине I тыс. н.э., отражавшего миграцию среднеевропейского населения.

Однако, вероятно, Седов несколько недооценивал южный, «киевский» культурный импульс, который также внёс свой вклад в становление тушемлинской культуры и культуры длинных курганов, простирающийся в ряде их элементов³⁷. Если предположить, что и мигранты из Центральной Европы и носители древностей круга Заозерье-Узмень были представителями разных группировок славянства, а для такого вывода есть основания, так как и те и другие ведут своё начало от культуры подклёшевых погребений (подробнее - в части II), то нет ничего удивительного в том, что они относительно легко ассимилировались друг с другом и ассимилировали местных балтов и финно-угров.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что В.В. Седов вполне убедительно обосновал решающую роль мигрантов из Центральной Европы в формировании культур длинных курганов, тушемлинской и сомкнутых височных колец, но несколько недооценил вклад киевского населения и его потомков в их становление, который тоже был весьма важен.

Правоту выводов ученого подтверждают данные других наук: лингвистики, топонимики, антропологии и генетики. А.А. Зализняк показал родственность древненовгородского диалекта западнославянским (в первую очередь, лехитским) языкам, а также особую черту, выделяющую его на фоне всех славянских языков средневековья, – отсутствие в нём второй

палатализации³⁸. А поскольку датируется она временем до или около середины I тыс. н.э. (не позже VI-VII вв.)³⁹, то носители соответствующего диалекта должны были оторваться от остальных славян не позднее этого времени. Это предположение идеально согласуется с археологическими данными, которые, по мнению Седова, датируют приход славянских мигрантов на север будущей Руси из Средней Европы именно серединой I тыс. н.э. Ю. Удольф на основе гидронимических данных выявил в своё время один из путей славянской миграции - из Повисленья через Среднее Понеманье в Новгородско-Псковские земли⁴⁰. А Р.А. Агеева выделила в Новгородско-Псковской земле ряд славянских гидронимов, соответствующих, по С. Роспонду, зоне «А» – славянской прародине в Повисленье, где сосредоточены славянские гидронимы наиболее архаичных типов⁴¹. Причём выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическим материалам регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси совпадают с районами скопления ранних длинных курганов (бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменье, район между Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой). Эти гидронимические данные указывают на очень раннее расселение славян в указанном регионе, происходившее тогда, когда были ещё продуктивны праславянские модели водных названий.

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производного от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «Знаменательно, что эсты называли вендами (Wene) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венеды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов»⁴².

Антропология свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю⁴³. Наконец, собранные Б. Малярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки), что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских⁴⁴.

В IX в., по справедливому мнению В.В. Седова, словене, кривичи и носители культуры сомкнутых височных колец (меря) создали мощное предгосударственное объединение федеративного характера, ставшее, наряду с Русским каганатом на юге, одной из основ формирования Древнерусского государства (У истоков восточнославянской государственности. С. 100-142).

В последних работах Седова была выдвинута интересная и очень важная для понимания истории Восточной Европы накануне становления Древнерусского государства гипотеза относительно юго-восточной группировки славян, представленной в VIII - начале IX в. волынцевской культурой⁴⁵. По его мнению, этнонимом «волынцевцев» было имя *русь*, и именно они создали первое славянское протогосударственное образование Восточной Европы – Русский каганат, о котором долгие годы спорили истори-

ки⁴⁶. Поскольку волынцевская культура своим происхождением связана с именьковской, то начать рассмотрение концепции учёного логично именно с последней.

Именьковская культура существовала в Среднем Поволжье в IV-VII вв. Её носители первыми в регионе перешли к пашенному земледелию с широким набором культур и оказали значительное влияние на своих финно-угорских соседей. Они жили в полуземлянках, преимущественно на селищах (хотя имелись у «именьковцев» и городища), не знали гончарного круга и хоронили умерших по обряду трупосожжения (имеющиеся на именьковской территории труположения связаны с инфильтрацией в её ареал иноэтничного населения) в бескурганых могильниках. Долгое время исследователи пытались связать происхождение именьковской культуры или с местными финно-угорскими культурами, или с миграцией в регион тюрков, но ни первое, ни второе так и не было надежно доказано: ни в финно-угорских, ни в тюркских культурах не находилось многих важных элементов именьковской культуры⁴⁷. Переворот в этнокультурной атрибуции именьковского населения произвела в 1980-е гг. самарский археолог Г.И. Матвеева, сопоставившая материалы именьковской культуры с культурами полей погребений. Она пришла к выводу о том, что своим происхождением эта культура, как и предшествовавшие ей памятники славянского и лбищенского типов, связана с миграцией в Среднее Поволжье носителей зарубинецких (и наследующих им) и пшеворских древностей, в числе носителей которых большинство учёных ищет предков исторических славян⁴⁸.

При этом Матвеева обратила внимание на ряд параллелей между именьковской культурой и висленским регионом пшеворской культуры, основным населением которого, по мнению В.В. Седова, были славяне (подробнее - в части II). Это обстоятельство, а также очевидная близость в ряде важнейших элементов между именьковской культурой и достоверно славянскими древностями привели исследовательницу к выводу, согласно которому её носителями были славяне⁴⁹. Все эти выводы были полностью поддержаны Седовым, который предположил, что основная масса мигрантов-славян прибыла в Среднее Поволжье преимущественно из верхнеднепровского региона черняховской культуры (связанного своим происхождением с пшеворской культурой) в результате гуннского нашествия. Как бы то ни было, а принципиально тезис о происхождении именьковского населения из ареала культур полей погребений после работ Г.И. Матвеевой и В.В. Седова является практически общепризнанным. При этом вопрос о конкретном районе или районах, где находилась прародина «именьковцев», пока до конца не ясен. Славянская атрибуция носителей именьковской археологической культуры находит своё полное подтверждение и в письменных источниках: арабским и хазарским источникам известны славяне на Средней Волге, с которыми можно связывать только потомков именьковского населения⁵⁰, оставшегося в Среднем Поволжье после ухода оттуда основной массы «именьковцев» и вошедшего в состав населения волжской Болгарии⁵¹. Именно она и стала преобладающей в современной историографии⁵².

В.В. Седов предпринял попытку подкрепить обоснование славянской этнической атрибуции «именьковцев» доказательством генетической связи их культуры с волынцевской культурой днепровского левобережья VIII – начала IX в., охватывавшей и узкую полосу правобережья в районе Киева. Как известно, в конце VII в. именьковская культура прекратила своё существование, причём произошло это не в результате военного разгрома. Поселения были просто оставлены населением, которое куда-то ушло. Куда? Ответ на этот вопрос привёл Седова к детальному обоснованию гипотезы о том, что ушли «именьковцы» на юго-запад – на земли современной левобережной Украины. Там они стали ядром формирования волынцевской культуры, в состав носителей которой вошли также в качестве субстрата носители местных культур – пеньковской и колочинской (Очерки по археологии славян. С. 49-66; Славяне в древности. С. 309-315; Славяне в раннем Средневековье. С. 193-197; Древнерусская народность. С. 50-62; Славяне. С. 245-255).

Первое сопоставление памятников именьковской и волынцевской культур было предпринято А.П. Смирновым. Ученый произвел детальное сравнение глиняной посуды и погребальной обрядности Рождественского могильника именьковской культуры с соответствующими материалами Волынцевского поселения и могильника, показавшее их соответствие. Сам он, правда, датировал именьковскую культуру IV-V вв. и считал ее финно-угорской, а Рождественский могильник относил к более позднему времени (VI-VIII вв.) и считал его независимым по отношению к ней памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с левобережья Днепра⁵³. Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений, как и то, что он предшествовал Волынцевскому, а не наоборот. В соответствии с этим В.В. Седов как бы «развернул» выводы А.П. Смирнова.

Исследование Седова показало, что волынцевские традиции являются продолжением именьковских:

- в фактуре теста, технологии производства глиняной посуды и ее формах (сопоставимы именьковские и волынцевские горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками, миски, сковородки), а также ornamentации сосудов (для обеих культур единственным орнаментом оказываются пальцевые вдавления по венчику);

- в устройстве жилищ и ям-кладовок: для обеих культур характерны опущенные в грунт строения каркасно-столбовой (большинство) и срубной (меньшинство) конструкции, ямы-кладовки колоколовидной или цилиндрической формы, обмазанные глиной;

- в погребальном обряде для обеих культур характерны грунтовые могилы-схроны с захоронениями по обряду трупосождения на стороне;

- в экономической жизни «именьковцы» и «волынцевцы» использовали одни и те же сельскохозяйственные орудия, культивировали одни и те же растения, выращивали одних и тех же животных, одинаковой была у них доля животноводства и охоты в хозяйственной жизни (Очерки по археологии славян. С. 59-63; Славяне в раннем средневековье. С. 194; Древнерусская народность. С. 194).

Выводы В.В. Седова о генетической связи именковской и волынцевской культур были поддержаны многими ведущими специалистами по археологии днепровского левобережья⁵⁴, но нашлись у ученого и оппоненты. Так, О.В. Сухобоков продолжил отстаивать старую позицию об автохтонном формировании волынцевской культуры⁵⁵, которую разделял некогда и сам Седов (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 137-138). Но ныне эта версия, по инерции отстаиваемая Сухобоковым, очевидно, устарела. Это видно по тому, что все остальные оппоненты В.В. Седова также рассматривают волынцевскую культуру как пришедшую в район днепровского левобережья извне, только исходный регион миграции «волынцевцев» они определяют иначе, чем он. Естественно, в волынцевской культуре имеются и местные (пеньковские и колочинские) элементы, что не удивительно, ведь местное население в качестве субстрата вошло в состав её носителей, но отнюдь не их традиции определяли лицо новой культуры.

Иную концепцию генезиса волынцевской культуры выдвинули И.О. Гавритухин и А.М. Обломский, по мнению которых она сформировалась в результате миграции населения с правобережья Днепра⁵⁶, сопровождавшейся гибелью значительной части элиты пеньковско-колочинского общества (появление волынцевской культуры сопровождается обильным выпадением кладов в пеньковско-колочинском ареале). Основным аргументом исследователей является распространение в южной части волынцевской культуры глиняных печей, прототипы которых они ищут на правом берегу Днепра. В.В. Седов дал своим оппонентам аргументированный ответ: «Мысль о западном происхождении пришлого населения покоится исключительно на распространении в южной части волынцевской культуры глиняных печей. Но таким образом можно было бы еще решить вопрос о происхождении отопительных устройств волынцевских жилых построек, но никак не проблему происхождения всей культуры, которая требует анализа всего комплекса составляющих ее элементов. Вопрос об истоках глиняных печей волынцевской культуры решается И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским довольно поверхностно. Действительно, подобные печи выявлены на поселениях второй половины V-VI в. в верховьях Западного Буга, Сана и Горыни. Но в следующих столетиях они здесь выходят из употребления; по-видимому, на их основе формируются круглые глинобитные печи, которые никак не могли быть прототипами волынцевских глиняных печей. На основной части Правобережной Украины и в Молдавии и в V-VII вв., и позднее господствовали печи-каменки (Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // Свод археологических источников. Вып. Е1-32. Л., 1975). Глиняные печи, наряду с другими типами отопительных устройств, выявлены на поселениях VIII-IX вв. Киевщины и Каневщины. Но это ведь ареал волынцевской культуры» (Древнерусская народность. С. 84. Прим. 72).

Со своей стороны мы можем привести ещё два контраргумента к гипотезе И.О. Гавритухина и А.М. Обломского:

- для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганные могильники, в то время как на правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала;

- налицо и серьезные различия между волынцевской культурой и синхронной ей славянской культурой днепровского правобережья типа луки-райковецкой. Уровень волынцевской культуры был выше в ряде отношений. Достаточно сказать, что «волынцевцы» знали гончарный круг, а их правобережные соседи – нет, он появился у них только в конце IX в.⁵⁷ Первая гончарная керамика, выявленная на правобережье в районе Киева и относящаяся к IX в., связана с проникновением сюда носителей волынцевской культуры⁵⁸.

Таким образом, именно гипотеза В.В. Седова о формировании волынцевской культуры в результате миграции «именьковцев» является на сегодняшний день наиболее обоснованной. Тем более что она одна даёт ответ на вопрос о том, куда ушла большая часть «именьковцев»: никаких иных культур, кроме волынцевской, которые могли бы претендовать на статус «именьковских наследников», нет в принципе, хотя понятно, что бесследно исчезнуть «именьковцы» не могли и, покинув Среднее Поволжье, должны были где-то вскоре появиться. Между двумя культурами налицо хронологический стык: в конце VII в. исчезает одна, а в начале VIII в. появляется другая.

Думается, мне удалось найти дополнительный важный аргумент в пользу позиции В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур. Как известно, носители развившейся из волынцевской роменской культуры (IX-X вв.) в древнерусских летописях именовались *северянами*. Аналогичный этноним обнаруживается в Среднем Поволжье: в письме хазарского царя Иосифа (середина X в.) в перечне поволжских этнонимов фигурируют два близких этнонима: *С.вар* и *С.в.р.* (Суур). Один из них обычно отождествляют с суварями, а второй – с восточноевропейскими северянами, но источник не даёт для последнего ни малейших оснований, чётко помещая соответствующий этнос на берегах Атила (Волги). Соответственно, речь тут идёт не о северянах Юго-Восточной Европы, а об их родственниках, оставшихся на средневожской прародине⁵⁹. Весьма интересно в этом контексте известие ПВЛ, согласно которому северяне происходят от кривичей, то есть переселились некогда с севера⁶⁰. Византийским источникам известны также *северяне* в Подунавье. Очевидно, что это осколок древнего праславянского «племени», одна из частей которого в ходе бурных событий эпохи Великого переселения народов оказалась на Средней Волге, а другая - на Дунае. Подобной была судьба и многих других праславянских этнонимов, которые вместе с расселением их носителей распространялись по Европе: хорваты, дулебы и т. д.⁶¹ Существующая в историографии гипотеза о происхождении *северян* днепровского левобережья от дунайских *северян*⁶² лишена, на мой взгляд, достаточных оснований.

Сам Седов, не привлекая к делу *северян* из письма Иосифа, в 1995 г. чисто логически предположил, что этноним *северяне* был принесён в днепровское левобережье именно мигрантами-«именьковцами» (Славяне в раннем средневековье. С. 197), однако впоследствии совершенно напрасно, на мой взгляд⁶³, отказался от этой идеи и стал утверждать, что самоназванием «волынцевцев», а ранее «именьковцев» было имя *русь*, которое они, подобно таким этнонимам, как *сербы*, *хорваты* и т. д., переняли у ира-

ноязычных народов в рамках полиэтничной черняховской общности, в то время как этноним *северяне* был именем местного пеньковского населения, влившегося в состав носителей волынцевской культуры (Древнерусская народность. С. 50-82; Славяне. С. 255-295).

Именно волынцевская культура, по В.В. Седову, представляла собой известный по арабским и западноевропейским источникам Русский каганат, наследницей которого стала Киевская Русь. По справедливым словам Е.С. Галкиной, работа ученого стала «первой попыткой локализации Русского каганата как самостоятельного сильного государства на основе комплексного использования данных археологии, нумизматики, лингвистики и аутентичных письменных источников. Автор верно отметил один из главных просчётов своих предшественников и оппонентов: информация о русах, содержащаяся в арабо-персидских и византийских источниках IX-XII вв., обычно рассматривается суммарно, без выделения исторических периодов. Хотя этнокультурная карта Восточной Европы начала IX в. очень отличалась от следующих столетий»⁶⁴.

Эта гипотеза учёного вызвала критику со стороны «норманистов» – сторонников северной (в Ладоге, на Рюриковом городище, на Верхней Волге и т. д.) локализации Русского каганата и отождествления ранних русов со скандинавами⁶⁵. Седов дал обстоятельный ответ на их весьма тенденциозную критику, указав, что:

- до 60-х гг. IX в. в материалах Рюрикова городища нет и намёка на проживание в нём скандинавов, в то время как древнейшее упоминание о Русском каганате относится к 839 г.;

- никакого скандинавского компонента на поселениях Холопий Городок, городище на р. Сясь, Новые Дубовики, Камно, Изборск, Псков (до 860-х гг.) не обнаруживается;

- утверждение К. Цукермана о тотальной войне, уничтожившей все поселения, «которые, судя по находкам скандинавского и восточного происхождения, относились к Русскому каганату», является полной фантазией: скандинавских следов на указанных выше поселениях нет, а находки восточных импортных никоим образом не могут быть истолкованы как доказательство пребывания на них скандинавов, они говорят о торговых связях местного населения. Прекращают функционировать эти поселения не одновременно, а в разное время;

- Ладога была сравнительно небольшим поселением и никак не могла претендовать на статус центра Русского каганата. Фактически полное отсутствие скандинавских древностей на севере Руси до середины IX в. где-либо, кроме Ладоги (кресало и топор скандинавских типов найдены также на Сарском городище, но делать на этой основе вывод о проникновении туда норманнов невозможно), говорит о том, что она в тот период была конечным пунктом их военно-торговой активности на востоке Балтики;

- на ранних восточных монетах (до середины IX в.) нет скандинавских граффити, это подтверждает, что в тот период скандинавы почти не принимали участия в восточноевропейской торговле;

- ранние восточные источники, проанализированные А.Н. Поляком⁶⁶, локализуют русов именно на юго-востоке Европы;

- памятник IX в. «Баварский географ» локализует русов между хазарами с одной стороны и полянами и древлянами – с другой (*Caziri* – хазары, *Forsderen liudi* – по Й. Херрманну, искажённое древневерхненемецкое *Foristari liudy*, т.е. «лесные жители» – древляне, *Fresiti* соответствует древневерхненемецкому *Freisassen* – «свободные жители» – поляне), что полностью соответствует территории волынецовской культуры;

- ранние византийские источники («Житие Георгия Амастридского» и т. д.) помещают русов в Причерноморье (О русах и Русском каганате IX в.).

Аргументация В.В. Седова совершенно правильна, и она может быть усилена. Со своей стороны добавим, что:

- титул «каган» принадлежал степному региону, где обозначал высшего властителя, приравниваемого в представлениях кочевников к китайскому и византийскому императорам. Только там он был понятен и имел смысл. Его появление на севере Восточной Европы либо в циркумбалтийском регионе и закрепление там совершенно невероятны – там он ничего не значил и был непонятен. Это всё равно что появление титула «герцог» в Китае;

- в так называемой «Анонимной записке» – арабском историко-географическом памятнике начала IX в., описывающем степной пояс Евразии⁶⁷, народы этого региона перечисляются и описываются в определённой последовательности (отражающей, видимо, путь путешественника): гузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, бургасы, болгары, мадьяры, славяне, русы, которыми правит каган (знаменитая «джазира русов», которую иногда поверхностно переводят как «остров», хотя так могли именоваться и полуостров, и междуречье, и просто земли у вод), сарир, аланы. Как видим, русы с каганом во главе чётко помещены источником на юго-востоке Европы, помещать же их где-либо на севере можно только путём полного отрыва от источника.

Добавим к этому, что скандинавская этимология имени *русь* безосновательна и не выдерживает ни лингвистической, ни исторической критики⁶⁸. В частности, несмотря на все старания, так и не найден его скандинавский прототип.

Весьма важным представляется и следующий вывод Седова: ареал волынецовской культуры совпадает с территорией так называемой *Русской земли* в «узком» смысле, очерченной по летописным данным⁶⁹ и, очевидно, представлявшей собой древнейший очаг распространения соответствующего этнонима в Восточной Европе (Седов В.В. Древнерусская народность. С. 77-80; Славяне. С. 269-272). Значение этого наблюдения сложно переоценить. Ранее Б.А. Рыбаков связывал территорию *Русской земли* в «узком» смысле с ареалом «антских» кладов, представленных пальчатыми фибулами и другими предметами, но, как теперь мы знаем, выпадение этих кладов было связано с экспансией «волынецовцев». Поэтому неудивительно, что их ареал совпадает с территорией волынецовской культуры и, как следствие, *Русской земли* в «узком» смысле⁷⁰.

Уже после смерти В.В. Седова вышла статья С.В. Воронятова. Она любопытна тем, что автор открыто декларирует свою идейно-политическую тенденциозность. Он пишет: «В последнее время, когда на волне возрождаемого на государственном уровне почвеннического патриотизма концепция “норманнской Руси” стала подвергаться резкой критике, мнение

В.В. Седова о том, что ВК – это археологические следы Русского каганата, может быть использовано “новыми антинорманистами” как весомое дополнение к их аргументации. Поэтому необходимо рассмотреть основания предложенной В.В. Седовым концепции» (курсив мой. – М.Ж.). Тем самым он намеренно политизирует чисто научный вопрос и фактически выводит своих оппонентов за рамки науки. Также он беспокоится о том, как бы «ошибочное», по его мнению, «историческое направление, заданное в 1998 г., не получило распространения в хрестоматийных изданиях и школьных учебниках»⁷¹. Видимо, по мнению Воронятова, в «хрестоматийных изданиях и школьных учебниках» должны быть представлены взгляды только его и его единомышленников.

Он предпринял попытку показать, что расположенное в волынцевском ареале городище Битица представляло собой административный центр Хазарского каганата в славянских землях, где хазарскими мастерами производилась гончарная керамика – характерный атрибут волынцевских памятников. Соответственно, территория волынцевской культуры – это, по Воронятову, зона, подвластная хазарам (хотя корректнее было бы говорить о салтовском влиянии, так как соотношение салтовской культуры и Хазарского каганата – вопрос дискуссионный)⁷². Эти тезисы, на мой взгляд, ничем не обоснованы. Во-первых, волынцевская гончарная керамика отнюдь не тождественна по своим формам салтовской, и для вывода о производстве её салтовскими мастерами нет достаточных оснований. Можно говорить только о салтовском влиянии на керамический комплекс волынцевской культуры (как и на другие стороны жизни «волынцевцев», которым многое дало соседство с более развитой салтовской культурой), в первую очередь – технологическом. В частности, нельзя исключать, что именно с салтовским влиянием связано появление у «волынцевцев» гончарного круга, но салтовская и волынцевская круговая керамика отнюдь не тождественны. Последняя имеет свои прототипы в именьковских сосудах, а вовсе не среди салтовской керамики.

Во-вторых, если не пускаться в гипотетические рассуждения, исходящие из априорного понимания общеисторической ситуации, то из присутствия в Битице определённых кочевнических элементов нельзя сделать каких-либо иных выводов, кроме того, что в волынцевском ареале проживали какие-то группы кочевнического населения, происхождение которых до конца не ясно. Они могли быть автохтонами, проживавшими островками в волынцевском ареале, могли быть выселенцами из степных районов, а могли прийти в общем потоке именьковской миграции из Поволжья, будучи увлечены славянами (В.В. Приймак отметил близость кочевнических материалов Битицы к материалам некоторых групп поволжских болгар, из чего сделал вывод о том, что кочевники, жившие в Битице, – выходцы из Поволжья⁷³). Вот, собственно и всё, на что нас уполномочивают источники. На рассмотрение Битицы как хазарского опорного пункта они прямых оснований не дают⁷⁴. Характерно и отсутствие на территории волынцевской культуры салтовских труположений, что указывает на то, что люди, пользовавшиеся здесь более качественным, чем славянское, салтовским оружием, были, в том числе и в Битице, в основном славянами, в среде

которых могло быть какое-то количество выходцев из степных регионов. Даже сторонники гипотезы о Битице как хазарском административном центре в славянских землях вынуждены признать, что воины, вооружённые салтовским оружием, но похороненные по чуждому для «салтовцев» славянскому обряду трупосожжения, «не могут отождествляться с алано-болгарами напрямую»⁷⁵.

В завершение С.В. Воронятов вслед за некоторыми другими авторами утверждает, что в первой половине IX в. Битица была разрушена «норманнами-русами», после чего их предводители стали именовать себя каганами. Он утверждает, что «на место "Русского каганата" сейчас обоснованно претендует территория, не сводимая к рамкам одной единственной археологической культуры – область, контролируемая норманнами-русами после разгрома Битицкого городища, включающая изначально бассейн Волхова с исходным центром южных походов и попавшую под их власть в первой половине IX в. территорию Среднего Поднепровья с левобережными бассейнами Десны, Сейма, Сулы и Псла, откуда шли пути на Дон вплоть до Азовского моря и далее на Кавказ»⁷⁶. Учитывая то, что, как справедливо отметил В.В. Седов, до 860-х гг. никаких реальных следов пребывания норманнов где-либо в Восточной Европе, кроме Ладоги, не существует (О русах и Русском каганате IX в. С. 4-8), захватывающую сагу о приключениях «норманнов-русов» на юге Восточной Европы в первой половине этого столетия невозможно назвать иначе, как заведомой фантазией. Тем более, в пользу предположения о разгроме ими Битицы нет ни малейших, даже косвенных данных.

Всё сказанное, впрочем, не отменяет сильного влияния более развитой салтовской культуры на волынцевскую. Вот только его историческая интерпретация может быть различной, тем более что связь салтовской культуры с Хазарским каганатом со времени работ И.И. Ляпушкина находится под большим вопросом.

С принципиально иных позиций к концепции Русского каганата В.В. Седова подошла Е.С. Галкина. Также локализуя Русский каганат на юго-востоке Европы, исследовательница отметила, что:

- Седов не произвел сопоставление погребального обряда русов с каганом во главе, который описан в арабских источниках (захоронение по обряду ингумации в «могиле наподобие большого дома»), и волынцевской культуры (трупосожжение);

- учёный не объяснил, почему на территории Русского каганата (если это волынцевская культура), вступившего в борьбу с Хазарией, отсутствуют укрепленные поселения, что говорит о мирной жизни «волынцевцев». Более того, носители салтовской (хазарской, по В.В. Седову) и волынцевской культур, судя по археологическим данным, достаточно активно общались, причем волынцевская культура находилась под серьезным влиянием более развитой салтовской;

- трактуя находимые на юго-востоке Европы «варварские подражания» арабским дирхемам как монеты Русского каганата (Древнерусская народность. С. 75-76; Славяне. С. 289-293), он за счет нумизматических находок существенно расширяет границы гипотетического Русского каганата

на восток в сравнении с ареалом волынцевской культуры и размещает центр монетного производства вдали от основной территории культуры. В результате «монетный двор» волынцевской культуры оказывается фактически отрезанным от ее центра вражескими (хазарскими) крепостями. Разумеется, такое было бы совершенно нереально⁷⁷.

Учитывая все эти факты, а также то, что восточные авторы обычно разделяли русов и славян, Е.С. Галкина не согласилась с концепцией Русского каганата Седова. Более перспективной, на её взгляд, является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца, отождествившего русов древнейших восточных источников с аланами – носителями салтово-маяцкой археологической культуры верховьев Северского Донца, Оскола и Дона⁷⁸. Эта концепция, тезисно изложенная автором, ныне нашла свое детальное обоснование и развитие в работах Е.С. Галкиной⁷⁹. Если, согласно Березовцу, салтовские аланы-русы были вассалами Хазарии, то, по мнению Галкиной, ими было создано независимое по отношению к ней раннегосударственное объединение – Русский каганат. Исследовательница справедливо подчёркивает, что принятие правителем русов титула «каган», считавшегося в степном регионе наивысшим, указывает не просто на независимость возглавляемого им политического объединения, но и на его претензии на первенство в регионе Юго-Восточной Европы⁸⁰. В состав этого раннегосударственного образования входили, по Е.С. Галкиной, и славяне-«волынцевцы», чем и объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с «салтовцами», фиксируемые по археологическим данным⁸¹.

Ещё И.И. Ляпушкин показал, что для вывода о зависимости алан-«салтовцев» от хазар нет ровным счётом никаких оснований⁸² и данная гипотеза держится лишь на общих априорных представлениях об исторической географии Юго-Восточной Европы, согласно которым там существовало только одно мощное государство – Хазария, соответственно салтовские аланы не могли не находиться в зависимости от неё, а больше ни на чём. Гораздо логичнее полагать, что у этих алан была собственная раннегосударственная организация, не имевшая отношения к Хазарии.

На мой взгляд, на сегодняшний день именно концепция Русского каганата Березовца-Галкиной является наиболее обоснованной⁸³, так как четко соответствует локализации русов в древнейших восточных источниках, объясняет последовательное противопоставление восточными авторами славян и русов как двух разных этносов (в рамках концепции В.В. Седова этот момент труднообъясним) и снимает остальные слабости построений учёного: описание арабскими авторами погребального обряда русов, которыми правит каган, в точности соответствует катакомбным погребениям салтовской культуры; между которыми находится симбиоз «салтовцев» и «волынцевцев», между которыми, по всей видимости, существовал взаимовыгодный союз; находит свое объяснение расположение «монетного двора» Юго-Восточной Европы. Ни славяне, ни хазары не испытывали потребности в чеканке монет: первые жили натуральным хозяйством, вторые – транзитной торговлей. Совсем другое дело – общество салтовских алан-русов с производящей экономикой. Прекрасно объясняется в рамках концепции Е.С. Галкиной и совпадение ареала волынцевской культуры с

территорией *Русской земли* «в узком смысле»: «волынцевцы» входили в Русский каганат и усвоили наименование *русов*. После падения этого раннегосударственного образования в середине IX в. волынцевская элита, вероятно, считала себя его наследником. Именно волынцевская культура стала ретранслятором наследия аланского Русского каганата в восточнославянский мир и связующим звеном между ним и Киевской Русью.

Разумеется, все сказанное не означает, что построения Е.С. Галкиной не могут быть оспорены, но на данном этапе более обоснованного отождествления Русского каганата письменных источников с археологическими реалиями я не вижу. При этом отмечу, что концепция В.В. Седова прекрасно вписывается в них в качестве важной составной части и, безусловно, как этап в решении проблемы оказалась исключительно важна.

Накануне формирования Древнерусского государства славяне Юго-Восточной Европы, представленные волынцевской и генетически связанными с ней культурами летописных северян, вятичей и радимичей (поляне, изначально относящиеся к луки-райковецкой культуре, также испытали мощное волынцевское влияние), ощущали сильное влияние салтовских алан, именовавшихся, очевидно, русами, и вошли в состав их государственного объединения – Русского каганата, перенеяв этноним *русь*. Вклад В.В. Седова в становление этой комплексной концепции Русского каганата, в осмысление его связи со славянами и Киевской Русью – огромен, а его открытие совпадения ареалов волынцевской культуры и *Русской земли* в «узком» смысле является важнейшим за последнее время шагом в понимании пространства этнонима *русь* в славянском мире.

Весьма важны и наблюдения ученого о жизни западных соседей «волынцевцев» – носителей пражской и развившейся из неё на правобережной Украине луки-райковецкой культуры, соответствовавшей, по мнению учёного, *дулебам* русских летописей. Расселившись на обширных пространствах, они оказались разделены лесными массивами и болотами. В результате такого географического разделения началось постепенное обособление четырёх славянских культурных массивов, соответствующих летописным *полян*ам, *древлянам*, *дреговичам* и *воляни*ям. В.В. Седов обратил внимание на то, что только в этом регионе Восточной Европы славянские этнополитические союзы именовались по географическому принципу: «жители поля» (*поляне*), «жители лесов» (*древляне*), «жители болот» (*дреговичи*), «жители равнинной страны» (*воляняне*), так как путь их становления отличался от пути становления славянских этнополитий других регионов Восточной Европы. Они возникли на основе территориального размежевания разных групп луки-райковецкого населения (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 90-119; Славяне в раннем средневековье. С. 360-363; Древнерусская народность. С. 41-50; Славяне. С. 320-321). Эта археологическая картина постепенного распада луки-райковецкой культуры находит подтверждение в арабских известиях о древнем славянском народе *Вли*нана/*волянянах*, от которого произошли другие славянские народы, и в сообщении Баварского географа о происхождении славян из земли *Сериван* (*Zerivani*)/*червян* (Червень – город на Волини)⁸⁴. Видимо, именно на Волини находился древний политический центр луки-райковецкого ареала⁸⁵.

Таким образом, славянское население Восточной Европы к IX-X вв. было весьма неоднородным. Какие же факторы обусловили сближение разных по своему происхождению славянских этнополитических единиц (летописных *кривичей, полян, древлян* и т. д.) и формированию из них древнерусской народности? В.В. Седов выделил следующие обстоятельства, которые привели к такому результату:

- в VIII-IX вв. происходит инфильтрация в Восточную Европу славян из Подунавья, затронувшая значительную её часть, вызванная, по всей вероятности, приходом на Дунай авар и болгар, а затем наступлением франков с запада. Она нашла отражение в распространении в регионе целого ряда характерных для дунайских земель артефактов (серьги, лунницы, височные кольца и другие украшения дунайских типов, железные ножи с рукоятками, оформленными волютообразными завершениями, определённые типы удил, нагрудные кресты с так называемым грубым изображением Христа и т. д.). Возможно, именно с этой инфильтрацией дунайских славян в Восточную Европу связана легенда ПВЛ о дунайской прародине славян. Вероятно, именно они принесли в Восточную Европу обряд трупоположения, который появился здесь до крещения Руси, а также распространение гончарной керамики. Именно широкая инфильтрация в Восточную Европу дунайских славян стала первым толчком к началу нивелирования различий между её славянскими обитателями (Древнерусская народность. С. 183-204; Славяне. С. 531-551);

- в IX-XI вв. происходит становление древнерусского дружинного сословия, которое вырабатывает свою специфическую, единую для всей Руси «надплеменную» культуру. Дружинники киевских князей выходят за рамки своих этнополитий, порывают с ними. Это становится вторым толчком к унификации славянского населения Восточной Европы и ассимиляции остатков неславянских этнических элементов региона (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 248-256; Славяне в раннем средневековье. С. 374-375; Древнерусская народность. С. 204-2143; Славяне. С. 551-563);

- становление восточнославянских городов, начавшееся в VIII в., приводит к выработке единой для всей территории Руси городской культуры, также «надплеменной» по своей сути. В свою очередь города влияют на сельскую местность, вызывая повсеместную цепную реакцию распада привычных общественных структур (Славяне в раннем средневековье. С. 375-377; Древнерусская народность. С. 214-217; Славяне. С. 563-567);

- принятие Русью христианства унифицирует её религиозную жизнь, стирая различия между культурами разных славянских этнополитических союзов (Славяне в раннем средневековье. С. 377-378; Древнерусская народность. С. 217-218; Славяне. С. 567-568);

- объединение всех восточных славян в рамках одного государства привело к деструкции старых славянских общественных и политических структур и к замене их новыми, государственными, едиными для всей Руси, что обеспечило быструю нивелировку «племенных» различий (Славяне в раннем средневековье. С. 378; Древнерусская народность. С. 218-219; Славяне. С. 568-570).

Вопреки получившим распространение в современной белорусской, российской и украинской исторической науке построениям, отрицаю-

щим с тех или иных позиций существование древнерусской народности⁸⁶, В.В. Седов убедительно показывает, что её существование – реальный факт, нашедший отражение в археологических (сложение единой древнерусской культуры), лингвистических (сложение единого древнерусского языка, которого не могут отменить некоторые диалектные различия) и письменных источниках (летописи, «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и др.), надёжно зафиксировавших самосознание древнерусской народности, осознание единства в её рамках всех восточных славян, невзирая на политические границы между отдельными древнерусскими землями (Древнерусская народность. С. 180-183; 219-222; Славяне. С. 525-531; 570-574). Именно эта этническая общность стала общим предком четырёх современных восточнославянских народов: белорусов, русских, русинов и украинцев. Близкие к позиции ученого взгляды отстаивает и П.П. Толочко⁸⁷.

Исключительно большое значение для понимания общественно-политического развития Руси имеют наблюдения Седова о существовавшей корреляции между восточнославянскими этнополитическими союзами и землями Древней Руси XI-XIII вв., которая часто отрицается в историографии. Учёный обращает внимание на то, что в свете данных археологии разные летописные «племена» не были одинаковыми по своей социально-исторической природе: одни – кривичи, словене ильменские, юго-восточная группа славян, представленная волынцевской культурой – обладали этнографическим и диалектным единством, в то время как поляне, древляне, дреговичи и волыняне представляли собой территориальные новообразования, появившиеся в ходе обособления отдельных групп луки-райковецкого населения. География древнерусских земель, по мнению Седова, коррелирует именно с первой группой восточнославянских этнополитических союзов (Древнерусская народность. С. 233):

- Новгородская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания словен;

- Псковская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания псковских кривичей;

- Ростово-Суздальская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания славян – носителей культуры сомкнутых височных колец;

- Полоцкая и Смоленская земли сложились преимущественно на основе территории проживания смоленско-полоцких кривичей;

- Киевская земля в своём первоначальном «широком» виде сложилась преимущественно на основе территории проживания дулебов;

- Туровская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания дреговичей;

- Волынская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания волынян;

- Галицкая земля сложилась преимущественно на основе территории проживания хорватов;

- Черниговская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания славян – носителей волынцевской культуры и развившихся на её базе культур (северяне, радимичи, вятичи, донские славяне);

- Муромская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания обособившейся группировки славян – носителей культуры сомкнутых височных колец;

- Рязанская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания проникших сюда и обособившихся носителей волынцевской культуры (Древнерусская народность. С. 233-253).

Получается, что произошедшая в Восточной Европе на рубеже X-XI вв. смена этнополитонимии (*поляне-кияне, словене-новгородцы, кривичи-смоляне* и т.д.), на которой я не раз акцентировал внимание⁸⁸, представляла собой не что иное, как отражение процесса перестройки общества на новых, территориально-городских началах, при сохранении древних границ между разными восточнославянскими этнополитиями, ставшими базой территориального размежевания формировавшихся на их основе городов-государств Древней Руси.

Подмечает В.В. Седов и соотношение между восточнославянским «племенным» делением, как оно рисуется по данным археологии, и диалектной картой восточного славянства:

- группировка славян, пришедшая из Центральной Европы и расселившаяся в середине I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы, заложила основы будущего северновеликорусского наречия;

- носители волынцевской культуры стали преимущественно предками людей, говорящих на южновеликорусском наречии;

- анты и дулебы стали преимущественно предками украинцев;

- Верхнее Поднепровье и Подвинье до прихода славян было заселено балтами. Значительный балтский субстрат придал своеобразие языку и культуре поселившихся здесь славян, ставших впоследствии основой белорусского народа (Древнерусская народность. С. 253-274).

В работах В.В. Седова перед нами рельефно предстаёт яркая, сложная и неоднозначная история славянского освоения Восточной Европы, становления древнерусской народности и государственности. Какие-то построения учёного могут быть скорректированы, но общая картина, им нарисованная, вряд ли может быть всерьёз оспорена на современном этапе развития науки, будучи прочной основой дальнейших исследований в соответствующих областях.

(Продолжение следует).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кузьмин А.Г. Учёные мнения и легенды о славянской прародине // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 2001. С. 5. Ср. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. I. Кн. 1. М., 1847; Т. I. Кн. 2. М., 1847; Т. II. Кн. 1. М., 1847; Т. II. Кн. 2. М., 1847.

2. Учёный до мозга костей. Интервью с В.В. Седовым // ПГ. 2003. № 43 (164).

3. См., напр.: Седов В.В. Юбилейный вандализм // ПГ. 2004. № 38 (208).

4. Валентин Васильевич Седов: биобиблиографический указатель / Рос. акад. наук, Ин-т археологии / Сост. Н.В. Лопатин. М., 1999; Макаров Н.А. Валентин Седов // На рубеже тысячелетий. Книга о людях культуры и ис-

куства. Псков, 2002; Валентин Васильевич Седов / Сост. В.Е. Родникова. Вступ. ст. Н.А. Макарова / РАН. Материалы к биобиблиографии учёных: Исторические науки. Вып. 28. М., 2004 (далее – Валентин Васильевич Седов); Валентин Васильевич Седов // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М., 2004; Седов Валентин Васильевич. Некролог. Коллеги и ученики // РА. 2004. № 4; *Чернецов А.В.* Валентин Васильевич Седов // РА. 2004. № 4; *Игнатьева В.П.* Слава его мало волновала... // ПП. 2004. 14 октября; Памяти В.В. Седова // Славяноведение. 2005. № 4; *Белецкий С.В., Щеглова О.А.* Светлой памяти М.В. и В.В. Седовых // Stratum plus. 2005–2009. № 5; Памяти В.В. Седова: умер бессменный часовой Пскова // ПГ. 2004. № 38 (208); «Это был очень серьезный ориентир в нашей жизни». Псковские коллеги вспоминают В.В. Седова // ПГ. 2004. № 38 (208); *Завьялов В.И.* Памяти В.В. Седова // КСИА. 2005. Вып. 218; *Лабутина И.К.* В.В. Седов и Псковский край // АИППЗ. Материалы 50-го научного семинара. 2004; *Она же.* Об одном из последних выступлений В.В. Седова в защиту археологического наследия // Изборск и его округа. Материалы II Международ. науч.-практ. конф. Изборск, 2006; *Лопатин Н.В.* Слово о В.В. Седове // АО 2004 г. М., 2005; *Кирпичников А.Н.* Слово о В.В. Седове // АИППЗ. Материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. 2006; *Белецкий С.В.* Как начинался Псковский семинар // Там же; *Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Лопатин Н.В., Седов Вл. В.* Последняя книга академика В.В. Седова. Вместо заключения // Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М., 2007; *Гайдуков П.Г.* К выходу в свет книги В.В. Седова «Изборск в раннем средневековье» // Изборск и его округа: материалы международной научно-практической конференции, 2007–2008 гг. Изборск, 2009; *Харлашов Б.Н. и др.* Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» имени академика В.В. Седова // ВРГНФ. 2007. № 3 (48).

5. Работы В.В. Седова. Часть 1. 1950-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/460329.html> (дата обращения: 28.10.2012).

Часть 2. 1960-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/461101.html>

Часть 3. 1970-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/462580.html>

Часть 4. 1980-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/463704.html>

Часть 5. 1990-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464060.html>

Часть 6. 2000-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464143.html>

6. Здесь и далее все факты биографии В.В. Седова даются по изданию: Валентин Васильевич Седов (Сост. В.Е. Родникова) и другим работам, указанным в примечании 4.

7. Учёный до мозга костей. Интервью с В.В. Седовым.

8. *Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. 50; *Он же.* Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // КСИИМК. 1954. Вып. 53.

9. *Чернецов А.В.* Валентин Васильевич Седов. С. 5.

10. Там же. С. 6.

11. Там же.

12. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I: Проблемы славянской археологии. М., 1997; Т. II: Славянский средневековый город. М., 1997; Т. III: Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; Т. IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998; Т. V: История и культура древних и средневековых славян. М., 1999.

13. По состоянию на 2004 год: Валентин Васильевич Седов. С. 132-136.
14. Чернецов А.В. Валентин Васильевич Седов. С. 7.
15. <http://archaeolog.ru/~sedov>
16. Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именновской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2011 года. Пенза – Белосток – Прага, 2011.
17. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; Он же. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // ТГЭ. 2009. Т. 49. С. 472-483; Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1978. Вып. 28; Он же. Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989; Он же. Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997.
18. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 439.
19. Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. 1952. Вып. 15; Он же. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. 1953. Вып. XVIII; Он же. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // СЭ. 1955. № 3; Он же. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // СЭ. 1974. № 1; Он же. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
20. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 36-37.
21. Седов В.В. Балтская гидронимия Волго-Окского междуречья // Древнее население в Подмосковье. М., 1971; Он же. Некоторые ареалы архайческих славянских гидронимов и археология // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980; Он же. Становление и этногенез славян (по данным археологии и гидронимии) // XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. ИКЭФСН. М., 1993.
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 218. Прим. 8.
23. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.). М., 1960; Он же. Новгородские сопки. М., 1970; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; Он же. Длинные курганы кривичей. М., 1974; Он же. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982; Он же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999; Он же. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.
24. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. С. 101-133; Он же. Очерки по археологии славян. М., 1994; Он же. Славяне в древности. М., 1994. С. 287-321; Он же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68-94; 186-253; 358-384; Он же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 203-323; 348-402; 525-574.
25. Вот основные из них: Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода; Он же. Кривичи // СА. 1960. № 1; Он же. О юго-западной группе восточнославянских племён // Историко-археологический сборник к 60-летию А.В. Арциховского. М., 1962; Он

же. Дреговичи // СА. 1963. № 3; Он же. Курганы ятвягов // СА. 1964. № 4; Он же. Из истории восточнославянского расселения // КСИА. 1965. Вып. 104; Он же. Рязано-Окские могильники // СА. 1966. № 4; Он же. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н.э. // СА. 1969. № 2 Он же. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья // СА. 1972. № 4; Он же. Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. Вып. 135; Он же. Ещё раз о вкладе балтов в культуру восточных славян // СА. 1973. № 3; Он же. Смоленская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975; Он же. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978; Он же. Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; Он же. Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. Сборник статей к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М., 1978; Он же. Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов // БСИ. 1980. М., 1981; Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981. Вып. 166; Он же. Одежда восточных славян VI-IX вв. н.э. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986; Он же. Жилища словенско-кривичского региона VIII-X вв. // КСИА. 1986. Вып. 183; Он же. Диалектно-племенная дифференциация славян в начале средневековья по данным археологии // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. ИКЭФСН. М., 1988; Он же. Формирование восточнославянской народности // КСИА. 1990. Вып. 198; Он же. Распространение христианства в Древней Руси // КСИА. 1993. Вып. 208; Он же. Симпозиум «Проблема именьковской культуры» // РА. 1994. № 3; Он же. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // РА. 1994. № 2; Он же. Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4; Он же. Становление курганной обрядности в раннесредневековом славянском мире // Проблемы происхождения и исторического развития славян. Киев; Львов, 1997; Он же. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов. РА. 1998. № 2; Он же. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. № 4; Он же. Предыстория белорусов // КСИА. 2001. Вып. 211; Он же. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2; Он же. Освоение славянами Восточно-европейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002; Он же. Русы в VIII – первой половине X века // КСИА. 2002. Вып. 213; Он же. О русах и Русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2; Он же. Север Восточноевропейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // КСИА. 2005. Вып. 218.

26. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230-234; Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969; Николаев С.Л. К истории племенных диалектов кривичей // СС. 1990. № 4.

27. Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 128-131; Setälä E.N. Suomensukuisten kanosojen esihistoria // SS. 1926. I. S. 160.

28. Историографию см.: Бузов В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. 1996. № 1. См. также: Шмидт Е.А. Кривичи смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск, 2012. С. 8-62

(новейшая попытка обосновать балтскую принадлежность культуры смоленско-полоцких длинных курганов).

29. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. С. 15.

30. Там же.

31. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Он же. По следам древних славянских племён. Л., 1982.

32. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 44-48; Он же. Происхождение и ранняя история славян. С. 74-78.

33. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. 1994. № 9; Они же. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. М., 2007.

34. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 156-159.

35. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 22-56, 126-129.

36. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира. С. 11.

37. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв. в формировании...; Они же. Северные рубежи раннеславянского мира. С. 92-103.

38. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

39. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 2006. С. 342; Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů. 1978. С. 145; Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 302; Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005. С. 68.

40. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // JGO. 1981. Bd. 29. S. 321-336.

41. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 153-185. Ср.: Rospond S. Prastowanie w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

42. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // ДСИЯ. 1948. Т. 26. С. 93.

43. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 260.

44. Малярчук Б. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // RJGG. 2009. Т. I. № 1.

45. Седов В.В. Русский каганат IX века; Он же. Древнерусская народность. С. 50-82; Он же. Русы в VIII – первой половине X века; Он же. Славяне. С. 245-295; Он же. О русах и Русском каганате IX века.

46. Историографию вопроса см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 22-46; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 194-197; Шаскольский И.П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // ЛХ. 1980. М., 1981; Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002. С. 13-38; Филишкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 18-24.

47. Историографию проблемы этнической атрибуции «именьковцев» см.: *Сташенков Д.А.* Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // *Славяноведение*. 2006. № 2; *Расторопов А.В.* Вопросы этнокультурной истории населения именьковской культуры // *Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина*. Казань, 2009.

48. *Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // *Древние и средневековые культуры Поволжья*. Куйбышев, 1981; *Она же*. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986; *Она же*. Среднее Поволжье в IV-VII вв. Именьковская культура. Самара, 2004. С. 65-74.

49. *Матвеева Г.И.* К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // *Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов)*. М., 1988; *Она же*. Среднее Поволжье в IV-VII вв. С. 74-78.

50. *Кляшторный С.Г.* Праславяне в Поволжье // *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005; *Талкина Е.С.* Даники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // *СРИО*. 2006. Т. 10 (158). Россия и Крым. С. 380-382; *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011; *Он же*. К проблеме реконструкции самоназвания...; *Он же*. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/2737>

51. В том, что часть «именьковцев» осталась на Средней Волге, у П.Н. Старостина, Г.И. Матвеевой и В.В. Седова сомнений нет: *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. М., 1967. С. 31-32; *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 98-99; *Она же*. Среднее Поволжье в IV-VII вв. С. 77-79; *Седов В.В.* К этногенезу волжских болгар; *Он же*. Славяне. С. 254-255.

52. *Баран В.Д.* Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 71-72; *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // *История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности*. Казань, 2002; *Голдина Р.Д.* Исторический опыт позитивного взаимодействия народов, живших в Удмуртии в древности и Средневековье // *Россия и Удмуртия: История и современность*. Ижевск, 2008. С. 39-41; *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 72-137.

53. *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // *Историко-археологический сборник*. М., 1962. С. 162-165.

54. *Приймак В.В.* Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. XI ст. Суми, 1994. С. 11; *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж, 1998. С. 75-76.

55. *Сухобоков О.В.* Ранні етапи культури літописних сіверян (ще раз про пам'ятки волинцевського типу) // *Восточноевропейский археологический журнал*. 2000. № 3: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/sukhobokov.htm> Ср.: *Сухобоков О.В.* Днепровское лесостепное Левобережье в VIII-XIII вв. Киев, 1992. С. 16-36.

56. *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 133, 144-147; *Обломский А.М.* Структура

населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Археологічний літопис лівобережної України. 2007. № 1-2. С. 5.

57. *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 29; *Седов В.В.* Древнерусская народность. С. 45-46.

58. *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев, 1987. С. 106-107.

59. *Жих М.И.* К проблеме реконструкции... С. 28-30; *Он же.* Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура...

60. ПСРЛ. Т. I. Стб. 10; Т. II. Стб. 8. Анализ этого известия см.: *Жих М.И.* К проблеме реконструкции... С. 27-28.

61. *Трубачёв О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.

62. *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 162-173.

63. *Жих М.И.* К проблеме реконструкции... С. 30-37.

64. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 35.

65. *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4; *Петрухин В.Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Там же; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 293 и сл.; *Баран В.Д.* Державотворчі та етнокультурні процеси в період Київської Русі // Істину встановлює суд історії: Збірник на пошану Ф.П. Шевченка. Т. II Київ, 2004; *Воронятов С.В.* Волынецевская «культура» и «Русский каганат» // Альманах молодых археологов. СПб., 2005.

66. *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX-X вв. в представлении Востока // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. К выводу о том, что русы ранних восточных источников жили на юго-востоке Европы, пришли и многие другие учёные: *Свердлов М.Б.* Локализация русов в арабской географической литературе IX-X вв. // ИВГО. 1970. № 4; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 172-234; *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 63-138; *Она же.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006. С. 180-270.

67. *Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // РА. 2010. № 1.

68. *Otrębski J.* Rusь // RS. 1977. Т. XXXVIII. Cz. I; *Седов В.В.* Древнерусская народность. С. 66-67; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 11-50; *Трубачев О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С. 131-186; *Он же.* Русь. Россия. Очерк этимологии названия // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. II. М., 2005; *Максимович К.А.* Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // Сборник в честь 60-летия И.С. Чичурова. М., 2006; *Фомин В.В.* К вопросу о несостоятельности скандинавской этимологии имени «Русь» // УЗ ИФ ЛПУ. 2009. Вып. 6; *Он же.* Начальная история Руси. М., 2008. С. 78-162.

69. О ней см.: *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. Т. VI-VII; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 28-68; *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. Т. XVII. М., 1953; *Он же.* Киевская Русь и русские

княжества. С. 56-67; Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГВЕ. 1992-1993 гг. М., 1995.

70. Рыбаков Б.А. Древние русы; Он же. Киевская Русь и русские княжества. С. 56-67.

71. Воронятов С.В. Волынцевская «культура» и «Русский каганат». С. 201, 207.

72. Воронятов С.В. Волынцевская «культура» и «Русский каганат».

73. Приймак В.В. Идеи Е.А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004. С. 284.

74. Ср.: Приймак В.В. Територіальна структура... С. 26.

75. Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 150.

76. Воронятов С.В. Волынцевская «культура» и «Русский каганат». С. 204-207.

77. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. С. 36-37, 225.

78. Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970. См. также: Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. 1974. № 3; Ни-колаенко А.Г. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Волоконовка, 1991.

79. Галкина Е.С. Салтово-маяцкая культура и проблема Русского каганата // НТ МПГУ. 1997; Она же. Тайны Русского каганата; Она же. К осмыслению титула «хакан русов» в арабо-персидской географии IX-XII вв. // НТ МПГУ. 2003; Она же. «Хакан рус» в средневековой арабской географической литературе // Глобализация и мультикультурализм: Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток – Запад», 14-16 апреля 2003 г. М., 2004; Она же. Номады Восточной Европы. С. 385-441.

80. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. С. 187-191.

81. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. С. 309-328; Она же. Номады Восточной Европы. С. 427-434.

82. Ляпушкин И.И. Памятники салтовской культуры в бассейне реки Дона // МИА. 1958. Вып. 62.

83. Жих М.И. Древняя Русь и ее степные соседи: К проблеме Русского каганата // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2009. № 3 (17).

84. Жих М.И. О предыстории Волынской земли (VI – начало X в.) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14).

85. Там же. С. 42.

86. См., напр.: Штыхов Г.В. Древнерусская народность: реалии и миф // Этногенез и этнокультурные контакты славян; Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. Київ, 2005; Меркулов В.И. Была ли древнерусская народность? // НТ МПГУ. 2006. С. 12-19.

87. Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

88. Жих М.И. Начало истории Новгорода: <http://www.ruspole.info/node/2355>; Он же. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // ВН. 2012. № 10. С. 156; Он же. Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Социальная мобильность в традиционных обществах: История и современность. Ижевск, 2012.